

C A L I A R E A D
UNHINGE

КАЛ Ъ Я   Р И Д
МОЕ БЕЗУМИЕ

INSPIRIA

Москва
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P49

Calia Reid
UNHINGE

Copyright © 2016 by Calia Reid

Перевод с английского *Александра Бушуева и Татьяны Бушуевой*

В оформлении 1-й стороны обложки использована фотография:
© Gemma Booth / Trunk Archive

В оформлении 4-й стороны обложки использованы фотографии:
© ilolab, 99Art / Shutterstock.com

В оформлении полусупера использована фотография:
© 99Art / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Рид, Калья.

P49 Мое безумие / Калья Рид ; [перевод с английского А. Бушуева, Т. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2021. — 416 с.

ISBN 978-5-04-119472-7

Задержи дыхание и сосчитай до десяти. Скоро все закончится.

Но сколько бы раз Виктория ни повторяла про себя эту фразу, она по-прежнему находится в психиатрической клинике. Ей говорят, что она безумна.

Подумать только, когда-то ее жизнь была похожа на диснеевскую сказку: красивые отношения, красивый дом. А затем ее поглотила тьма.

Иногда к Виктории приходит муж. Он говорит, что Виктория плохая. Но есть и тот, кто так не считает. Виктория не знает, кому верить, но ей так хочется разобраться...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Бушуев А., перевод на русский язык, 2021
© Бушуева Т., перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-119472-7

Пролог

УЭСЛИ

Октябрь 2014 года

Любовь хранит так много секретов.

Как она нагрет.

Когда нападет.

Где это будет.

Мы ее игрушки, мы бродим по этому миру, не зная, что в любой момент она нанесет удар.

Даже не пытайтесь подготовиться к нему. Боретесь вы с ней или идете в ее объятия добровольно, любовь опутает вас, и когда это произойдет, вы больше никогда не будете свободны.

Я посмотрел на вентилятор, лопасти которого медленно вращались надо мной. Пора собираться на работу. Я это знал. Но мой разум упорно отправлял меня в путешествие по дороге памяти. Я отказываюсь погружаться в прошлое, отказываюсь обернуться назад, хотя и знаю, что поступаю глупо. Хотя моя кровать была пуста, я видел образ моей жены.

Натянув одеяло по самые плечи, она сладко спала. Кончики ресниц касались ее скул. Одна рука лежала на лбу, другая свешивалась с края кровати.

В тот момент, когда я встретил Викторрию, я должен был понять: я обречен. Я должен был это заме-

тить. Должен был почувствовать порыв ветра на шею и мурашки на коже.

Но я не почувствовал.

И поэтому я упал.

И упал больно.

Можно сказать, наша любовь была нереальной.

Буквально все в Викторрии было загадочным и все же зачаровывало меня. Ее улыбки говорили о потаенных мечтах, губы обещали в будущем только хорошее. В одной своей ладони она держала свои секреты, в другой — мечты. И взглядом призывала меня выбрать что-то одно.

Проигнорировав и то и другое, я предпочел завоевать ее сердце.

Потом она стала моей женой.

Сбросив одеяло, я встал с кровати и подошел к окну. Рывком открыл жалюзи. Облака закрывали солнце. Опустился густой туман и накрыл все вокруг белесой пеленой. Скрестив руки на груди, я подумал, что туман очень похож на мою жену. Она обволокла меня собой, спрятав все так, чтобы я ничего не видел. Я тянулся к ней, но она была той осязаемой вещью, до которой я не мог дотянуться.

Птиц не было слышно. Ни хлопка входной двери, ни урчания автомобильного мотора. Мир молчал, затаив один большой коллективный вздох, ожидая, чем закончим мы с Викторией.

Я заставил себя отойти от окна и продолжил свой обычный распорядок дня. Я принял душ. Побрился. Оделся.

Будь Виктория здесь, она бы все еще спала.

Я взглянул на часы. Было так много всего, что я хотел ей сказать. Но наше время истекло.

На моем телефоне высветилась сегодняшняя дата. Я ощутил во рту горечь. Руки забегали по клавиатуре, я написал ей короткое электронное сообщение. Я никогда не хотел, чтобы дело дошло до этого. Но Виктория не оставила мне выбора.

Прежде чем я успел передумать, я нажал на «ОТПРАВИТЬ», зная, что при самом большом желании никогда не смогу отменить это решение.

Подойдя к двери, я взял сумку. Мой взгляд упал на пустую кровать, и я на секунду задержался. Я был по-прежнему зациклен на ней. Мне казалось неправильным, почти преступным, что Виктории там не было.

Будь она там, я бы наклонился и поцеловал ее в лоб. Я бы сказал, что люблю ее и что мне пора идти. Она бы ничего не ответила, но ее плечи бы напряглись, и я бы понял, что она меня слышит.

А потом я вышел бы из комнаты. В дверном проеме я оглянулся бы через плечо и напоследок бросил взгляд на ее тело, зная, что никогда не пойму свою жену и то, как работает ее разум.

1

Ноябрь 2015 года

— Двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять.

Я резко поворачиваюсь и, продолжая считать шаги, иду в другой конец комнаты. Мои ноги начинают болеть. Обычно я здесь не ношу каблуки. Точнее, никогда. Но ради него я их надену.

Он скоро будет здесь. Он приходит почти каждый вечер, но этот вечер отличается от других тем, что я полна решимости заставить его помочь мне.

Я начала готовиться полчаса назад. Я надела мое любимое платье. Простое черное платье в обтяжку. Оно и его любимое. Я расчесывала волосы до тех пор, пока каштановые пряди не легли идеально мне на плечи. Я подкрасила губы. Брызнула духами на оба запястья.

Я привела в порядок свою комнату, разгладила края простого белого покрывала. Сложила одно из одеял Эвелин и накинула его на спинку кресла-качалки в углу.

Я на пару мгновений прекратила расхаживать по комнате и заглянула в колыбельку. На меня смотрят огромные голубые глаза Эвелин. Она радостно гулит и быстро перебирает ножками. Глядя на нее, я улы-

баюсь искренней, естественной и чистой улыбкой. В моей жизни все как будто окутано туманом, разобраться в ней невозможно, но это не касается Эвелин.

Очень нежно я ласкаю ее щечку и убираю со лба прядки светло-каштановых волос.

— Я вытащу нас отсюда. Договорились?

Она широко улыбается, как будто понимает, что я говорю. Я накрываю ее маленькое тельце одеялом и целую в лобик. Еще несколько минут, и она уснет столь же быстро, как гаснет выключенный свет.

Кто-то громко стучит в дверь. Та со скрипом открывается, и входит Кейт, медсестра ночного дежурства. Ей за тридцать. Ее волосы всегда собраны в хвост. Лицо без всякой косметики. Она мать троих детей. Каждый раз, когда я вижу ее, вид у нее рассеянный и скучающий. Как будто Фэйрфакс уже сидит у нее в печенках.

Но Кейт не так уж и плоха. В этом месте есть медсестры и похуже ее.

— Выключи свет, — громко говорит она.

Эвелин приоткрывает глаза. Я бросаю на Кейт испепеляющий взгляд.

— Куда ты так принарядилась? — спрашивает она.

— Просто так.

Кейт прищуривается.

— Ладно. Без разницы. Я паршиво себя чувствую, и у меня дома болеет ребенок. Можешь развлекаться хоть всю ночь, мне все равно.

— Если вам нездоровится, зачем было выходить на работу? Вы можете заразить мою дочь, — говорю я.

Она вздыхает.

— Мы бы этого не хотели, не так ли? — Кейт протягивает пластиковый стаканчик с разноцветными таблетками. — Вот, держи.

Не говоря ни слова, я беру стаканчик и бросаю таблетки в рот. Потом послушно открываю его и высываю язык. Она почти не смотрит. Она берет у меня чашку и швыряет ее в ванную.

— Тебе следует лечь в постель, — уходя, бросает она через плечо, причем довольно громко.

Воспользовавшись моментом, я выплевываю таблетки. Я перестала глотать их месяц назад. Все три года, что я здесь, я всегда принимала эти таблетки.

Я ни разу не усомнилась в их пользе. Они делали свое дело. Благодаря им я блаженно не осознавала окружающий меня мир. Они подавляли все вопросы, что крутились в разных уголках моей головы. Благодаря им все дни сливались в одну сплошную неразличимую череду.

Но в последнее время вопросы звучали все громче. Так громко, что заблокировать их не могли даже таблетки. Вскоре мое тело сделалось вялым, а движения механическими, как у робота. И все это время в моей голове шла нескончаемая война.

Поэтому я перестала принимать таблетки, думая, что вопросы просто исчезнут. Но от этого стало только хуже. Теперь вопросы сопровождают короткие вспышки воспоминаний. Я понимаю, что в моей жизни так много всего, чего я не помню.

Нет, я помню некоторые моменты, но в основном из детства. Семья. Подростковые годы. Кол-

ледж. Вручение диплома. Моя первая работа в качестве медсестры.

Но когда я стала Викторией Донован — тут полный пробел. Вокруг этой части моей жизни возведена высокая стена, и я не знаю, как ее обойти.

И я думаю... нет, я точно знаю: единственный человек в мире, который может мне помочь, это он.

— Ты слышишь меня? — Кейт снова появляется у моей двери. — Тебе нужно готовиться ко сну.

— Я не могу. У меня...

— Знаю. У тебя свидание, — вмешивается Кейт. — Бла, бла, бла. Я проверю тебя через час.

Вероятность того, что она сдержит обещание, невелика, но я киваю и улыбаюсь, чтобы она поскорее вышла из комнаты.

Но как только она уходит, я окликаю ее.

— Кейт? — Она оборачивается. — В следующий раз, когда ты войдешь, ты можешь не шуметь? Я пытаюсь уложить дочь спать.

Кейт закатывает глаза.

— Конечно, Виктория.

Как только за ней закрывается дверь, я отодвигаю от стены кровать и заталкиваю таблетки в маленькую дырочку в стене. Она не больше кончика ластика. Я обнаружила эту дырку случайно, когда уронила за кровать лист бумаги. Я не раз задавалась вопросом, как она там появилась. Мне нравится думать, что какой-то другой пациент выковырял ее и делал то же самое, что и я.

Я сижу на самом краю кровати, постукивая каблучками по линолеуму. Часы на стене медленно тикают,

как будто в насмешку надо мной, дразня временем, которое я теряю.

Он будет здесь в любую секунду. Конечно, будет. Я снова и снова напоминаю себе, что должна стоять на своем и не уступать его словам. Если следовать этим двум правилам, он не сможет меня соблазнить. И это при том, что, когда он рядом, я превращаюсь в провод под напряжением.

По коже пробегает ток.

Сердце готово выскочить из груди.

Но не все его визиты приятны. Иногда он приоткрывает темную сторону своего сердца и терзает меня многозначительной усмешкой и загадочными словами.

Проще говоря, он — дурная привычка, от которой я никак не могу избавиться. Зависимость, которой, по мнению окружающих, не существует.

«Ваш муж мертв...» — приходят мне в голову слова врача.

Я обнимаю живот и сгибаюсь, заставляя себя глубоко дышать.

Они все ошибаются.

Он не мертв. Это ложь.

Он настолько реален, насколько это возможно. Моя реакция — тому доказательство. Но здесь мне никто не верит. Неважно, сколько раз я говорю им это.

Я резко встаю и начинаю расхаживать по комнате. Мои каблуки стучат по полу. Я считаю свои шаги. Досчитав до двадцати пяти, я начинаю счет сначала.

Мои веки становятся тяжелыми.

Он скоро будет здесь, и тогда я получу доказательства. Одна из медсестер поймает его, и они отпустят меня.

Потому что тогда они увидят, что я не сумасшедшая.

Верно ведь?

Я устраиваюсь на кровати и как одержимая смотрю на часы. Время идет.

10:45

10:46

10:47

Мои веки начинают слипаться. Я то засыпаю, то просыпаюсь вновь, пока, наконец, усталость не берет надо мной верх.

Дверь тихо открывается.

Я поднимаю голову и вижу, как он входит в мою комнату. Я медленно улыбаюсь. Я не знаю, сколько времени прошло. Может, несколько часов.

Может, несколько минут.

В данный момент важно лишь то, что он здесь. Куда бы он ни вошел, он везде чувствует себя хозяином. Половина усмешки, которая как будто прилипла к его лицу, говорит о том, что он знает, какое влияние оказывает на людей.

Я встаю и смотрю на него. Мои руки теребят подол платья.

Он ничуть не изменился, и я уверена, что он никогда не изменится. Его светлые волосы коротко подстрижены, лицо свежевыбрито. А эти строгие карие глаза!

Хотя свет в комнате выключен, жалюзи открыты, пропуская внутрь полосы серебряного света. Они ло-

жаты ему на лицо, делая его похожим на привидение.

Если бы не морщинки возле глаз, я бы подумала, что он не подвержен времени. Он всегда одет одинаково: белая футболка, джинсы и коричневый пиджак. И неважно, холодно или жарко. Его наряд никогда не меняется.

— Ты скучала по мне, Виктория?

Мои воспоминания то приходят, то уходят, но его голос, его внешность я не в силах забыть. За моими веками возникают яркие картины. Туман слегка рассеивается. Я думаю, что увижу правду, но сцена превращается в старый диафильм. Он мерцает. Мой разум напрягается, пытаюсь удержать воспоминание. Появляются черные точки, они становятся все больше и больше, пока не остается ничего, кроме темноты.

Он вновь задает свой вопрос. Но на этот раз в его словах сквозит нетерпение.

Я не спешу с ответом. Какую бы реакцию он ни вызвал у меня, мое сердце и разум всегда будут воевать друг с другом. В одну секунду мне хочется обнять его, умоляя не уходить, а в следующую я борюсь с желанием как можно быстрее убежать от него.

— Да, — наконец отвечаю я.

Я моргаю. Он стоит прямо передо мной. Я застыла в неподвижности. Он так близко, что я чувствую запах его одеколона. Мне хочется уткнуться лицом в его шею, но я останавливаю себя.

— Я тоже скучал по тебе, — говорит он.

Его пальцы скользят по моим рукам и сжимают мне запястья. Одним рывком он заставляет меня под-

няться с кровати. Его рука обвивает мою шею. Он притягивает меня к себе.

Воздух вокруг нас начинает дрожать. Он притягивает мою голову ближе. Наши губы в паре дюймов друг от друга, и я знаю, что должна решиться: сейчас или никогда. Для того, что я собираюсь сказать, нет ни одной хорошей преамбулы.

— Я уйду из Фэйрфакса, — выпаливаю я.

Его рука на моем затылке едва заметно напрягается.

Подобное известие должно приносить воодушевление и радость. В Уэсе я не замечаю ни того, ни другого. Он просто улыбается своей самоуверенной улыбкой, как будто знает то, чего не знаю я.

— Почему ты хочешь уйти? Это место — твой дом.

— Уже нет. — Положив обе ладони ему на грудь, я осторожно отстраняюсь. — Они должны тебя увидеть. Им нужно знать, что ты жив. Ты должен мне помочь.

Я смотрю на свои руки и вижу, что они сжаты в кулаки и крепко держат его за рубашку.

Уэс разжимает мои пальцы и отводит мои руки в стороны.

— Я ничем не могу тебе помочь.

— Неправда, можешь. — Мое сердце бухает гулко, как барабан.

Я преодолела первое препятствие. Я не могу сдать сейчас.

— Я знаю, что ты можешь. Нам с Эвелин здесь не место.

Уэс даже не смотрит в ее сторону. Он сжимает губы и потирает затылок.